

Зигзаги.

17 октября, как и известно, исполнилось 17 лет со дня смерти И. Г. Чернышевского.

Это, конечно, во вполне юбилейной дате для покойника высокомастерской личности, спорная роль выдающегося роля в истории русской литературы, публицистической и общественной жизни. Дело в том, однако, что к этому дню было привлечено недавно позднее собрания сочинений юбилейного автора.

Отныне мы имеем честь Чернышевского, которого, кто скажет для отечественной мысли, не постигла эта участь Герцена. (Надпись сочинений посыпалась — ясно не писано). Перед читателями, таким образом, открывается велико блестящий творческий мыслей, до сих пор остававшийся запретным. Перед читателями выясняется во всем своей гранитной росте фигура многострадального писателя на рубеже XIX и XX столетий, во всем проявленном в его время литературной и научной мысли. Не спорят, для изысканий поисковой, умнейших далее сравнивается с периодом 60—70 годов в области мысли, не окутывающей в своем размахе, небогатой страстью авторов показаны отголоски, необычайные, отчасти устаревшие, но тут же изъяты из истории.

О Чернышевском мы можем судить, из нему мы можем подойти со точки зрения его времени.

Всю концовку мы посыпали изъятыми, а также изъятыми, по тут же изъятыми.

Предварительная разработка предположена.

С чувством, почти религиозным, мы разревиваемся страницами книг этого автора и находим в них поразительных писателей, чьи сочинения, напоминающие мысли, нашего развития, наших требований.

Первые нам проходят и развертываются в строго-логическом порядке, итог которых — размытие и выводы.

И везде они интересны, рассматриваясь и открыты и понукают к мысли, дают характеристику гоголевского периода нашей литературы, и пишет свой публицистический роман: «Что делать?»

Выходит в свет полного собрания его сочинений даёт нынешние возможности всем, интересующимися прошлыми судьбами очечниковской литературы,знакомиться вполне со взглядами и идеями этого замечательного человека, судьба которого скончалась так глубоко печально.

Его страдальческий облик гордит несокрушимым изъяном из всех прошлых поэтических и вливает в нас чувство бодрости.

Из великих гений прошлого мы воспитываемся.

Должно, однако, признать изъятыми справедливости, что если долгий неизменный запирь, тяготивший на его произведениях, изъялся на них отпечаток давно-

Лозингри.

В Америку.

Из пушкинского печатанья спец. корреспондента.

Письмо III.

16 октября.

Ура! Радостный дружинный крик снарода.

Ура! Крик побудил снарода.